

5
5 №Л. 39 №.

346 На вечере Сергея Аксюка

Имя Сергея Аксюка впервые появляется на московской афише. Совсем недавно он приехал в Москву, зашел во Всероссийское театральное общество и положил на стол две своих оперы. Больше он ничего не мог сообщить о себе, — разве только то, что он давно окончил консерваторию, лет десять не подходил к роялю, но, вернувшись к нему, меньше чем в полтора года написал одну за другой две оперы. Написал «затром», в чаду самозабвения, с азартом, освобождая себя от того, что ему давно хотелось сказать. Впрочем, может быть, это — наваждение и ему следует прорезветь и вернуться обратно в «свой горплан»?

Автор не состоял членом союза композиторов, тем не менее ему поверили, что он композитор. Даже решили показать его оперы в концертном исполнении. Даже разослали специальные приглашения композиторам, специальные приглашения музыковедам, пригласили публику. Публика явилась, композиторы и музыковеды не явились. В самом деле, достаточно, что рискует своей «репутацией» театральное общество, выдвигая никому неизвестного автора, — зачем всем подвергать себя этой опасности?!

Впрочем, в интересах справедливости надо сказать, что и публика явилась не столько ради нового композитора. В программе был указан Лермонтов, — одна опера посвящена «Вадиму», другая — «Песне про купца Калашникова».

Только-что прошел лермонтовский юбилей. Лермонтова читают и поют. Артистическая Москва соревнуется на лучшее исполнение стихов Лермонтова. Научные общества устраивают специальные лермонтовские сессии. Выходят статьи и книги о Лермонтове. И слушатель, наполненный лермонтовскими ассоциациями, более требователен и строг, чем обычно. Трудная,

«небезопасная» минута для первого выступления композитора.

Надо сказать, что первую вещь публика приняла выжидательно. «Вадим» — начатое и неоконченное произведение Лермонтова. Тема его — Пугачев, пугачевское восстание. Могучая фигура Пугачева волновала Пушкина, тревожила и Лермонтова. Страстная тоска Лермонтова по героической личности не могла не толкнуть его к Пугачеву, хотя эта встреча с Пугачевым и выразилась в намеке.

Этот намек хотел раскрыть Аксюк. Замысел дерзкий, и если он далек от осуществления, то потому, что это — первая попытка, проба сил. Проба, по поводу которой хочется сказать, — смелее! дальше! — ибо есть здесь и чувство Лермонтова, и музыкальная культура, и мелодическое дарование. Особенно последнее. Мелодии, мелодии, мелодии, — «хор нищих», «хор дворовых», песня Орленко, «Застольная», «Барак», «Широка степная дорога», — их уже сейчас можно, нужно исполнять с эстрады. Мелодии, которых все еще мало, — о них стосковался зритель, по поводу их отсутствия он шумит и скандирует. Правда, один из выступавших на диспуте после концерта упрекнул автора в мелодическом «расточительстве». Ему на это ответили, что он, видимо, так отвык от мелодической «пиши», что может довольствоваться только малым. Недостаток оперы в другом, — она чрезвычайно подражательна, сильно чувствуются и Шопен, и Римский-Корсаков, и еще мало виден сам автор.

Обычно между первым и вторым произведениями художника протекает довольно солидный срок. Если бы зрители разошлись после «Вадима», у них могли бы быть разные представления о будущности композитора. В данном случае публика могла проверить свои прогнозы тут же.

Во второй части вечера исполнялась музыкальная драма «Песня про паря Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Как и первую оперу, ее исполнили хор и солисты Всероссийского театрального общества, — артисты театров им. Немировича-Данченко и им. Станиславского.

Уже после увертюры, которую исполнил на рояле сам автор, публика переглянулась. Это уже нечто другое! Уже виднеется собственная артистическая рука!

Известно, что на текст «Песни» была написана опера композитором Рубинштейном. Опера в высшей степени неудачная, что объясняется невозможностью подчинить лермонтовскую поэму традиционному оперному канону. Аксюк учел эту ошибку ишел не от Лермонтова, а к Лермонтову. Лучшая проверка в том, что стихи Лермонтова чувствуют себя в его музыке совершенно естественно, я бы сказал, необходимо. Мы могли опасаться, что лермонтовская строфа не будет достойно поддержанна музыкой, опасаться компрометации Лермонтова. Тогда единственным нашим вознаграждением было бы то, что Лермонтов обнажит убогость попыток своего интерпретатора и тем накажет его. Этого не случилось.

Не убавляя ни одной лермонтовской строки, не прибавляя ни одной посторонней, композитор насытил поэму такой музыкой, которая сохранила всю гениальную самобытность лермонтовской «Песни».

На площадке хор — «гусляры». Четверо ведущих. Тут же расположились все герои «Песни» — Калашников, Алена Дмитриевна, Кирибеевич, Иван Грозный и другие. Скупые мизансцены, минимальные театральные аксессуары, редкие жесты. Над всем господствует хор; из него выделяются, выплывают голоса солистов и снова скрываются,

теряются в нем. В этом сказался верный взгляд на поэму. Ибо она есть удивительное, можно сказать, идеальное сочетание эпоса и драмы. Возрастающее драматическое действие и вместе с тем могучий эпический охват его. Волнение, вызываемое событиями «Песни», как бы умеряется той мудростью, с какой поэтглядит на эти события. Секрет этот понял композитор.

Музыка была выслушана с напряженным вниманием. Судьбы Калашникова, Алены, Кирибеевича захватывали, волновали, трогали. И в то же время рождалось широкое чувство — народа, России, истории. И все это шло не только от стихов, но от музыки, русской музыки, национальной стихии музыки, из которой смелой рукой черпнул наш композитор.

В великом произведении мы каждый раз обнаруживаем все большие и большие богатства, и тогда, когда нам кажется, что мы все уже увидели, обнаруживается, что это только часть и что завтра мы откроем больше, чем открыли сегодня. Отто Пушкина, Лермонтова можно читать всегда и всякий раз получить нечто новое. Случается, что после прослушания Лермонтова в эстрадном исполнении приходится возобновлять его в собственном чтении, чтобы вернуть себе утраченного поэта. Мы осмеливаемся сказать, что в этот вечер мы получили Лермонтова дважды.

Уступая «традиции», следовало бы сказать о недостатках музыки Аксюка, о спорности одного образа, о недостаточной выразительности другого и т. д. Но об этом ему еще скажут, а сегодня мы хотим отметить начало и придать бодрости и уверенности начинающему художнику. Если приятно присутствовать при рождении нового дарования, то не менее приятно поделиться об этом со всеми.

Ю. ЮЗОВСКИЙ.